

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА / THE OLD BELIEVERS HISTORY

Серия «Политология. Религиоведение»
2017. Т. 19. С. 83–91
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 94(571.5)

Светская власть и старообрядчество в Байкальском регионе: эволюция государственной политики в XIX в.*

С. В. Васильева

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

С. В. Бураева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. Императорская власть России не оставляла без внимания оппозиционно-духовное движение – старообрядчество. Противораскольническая деятельность губернских и центральных властей в Байкальском регионе подразделялась на три основных направления: сбор сведений о старообрядцах, поиск старообрядцев, совершивших преступления, и наказание старообрядцев. Внутренняя политика светских властей оказывала существенное влияние на генезис, формирование и условия функционирования региональной книжно-рукописной традиции. К концу XIX в. была проведена работа по кодификации законодательства, изучению истории раскола, установлению численности старообрядцев и сектантов; создана сеть «секретных совещательных комитетов по делам раскольников», система розыска, судопроизводства и наказания старообрядцев. Статья основана на источниках из фондов государственных архивов Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия; материалах из фондов Национальной библиотеки Республики Бурятия и Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

Ключевые слова: старообрядчество, государственная политика, генерал-губернатор, противораскольническая деятельность, Байкальский регион, книжно-рукописная традиция, документальные и нарративные источники.

Введение

С первой половины XIX в. движение русского населения на имперские окраины начинает осознанно восприниматься как целенаправленное политическое конструирование империи, как сверхзадача, новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России с центральным государственным яд-

* Исследование выполнено в рамках базовой части научного проекта гос. задания Министерства науки и образования РФ № 3797.

ром, окруженным окраинами. Предполагалось, что эти окраины со временем способны обречь и слиться с сердцевиной империи, ее внутренними губерниями, населенными русскими. Отсутствие четких границ внутри государственного пространства Российской империи создавало условия для расширения этнического ареала расселения русских.

Материалы и методы

Корпус источников составляют законодательные акты, материалы делопроизводства, документы фискального и административно-хозяйственного учета, светская и церковная делопроизводственная статистика из фондов Государственного архива Республики Бурятия (№ 207, 337), Государственного архива Иркутской области (№ 24, 50).

Рассмотрение старообрядчества как феномена культуры осуществлялось с учетом специфики религиозно-философских доктрин и своеобразия культурной практики, формирования и развития православной духовной культуры в целом. В значительной степени этому способствовал анализ документальных и нарративных письменных источников, старообрядческих рукописей и старопечатных книг, проводившийся в тесной синкретической связи сравнительно-исторического, ретроспективного, описательного и книговедческого методов.

Обсуждение

В историографии исследуемой проблемы можно выделить четыре блока: дореволюционный, советский, постсоветский и региональных работ.

В имперскую эпоху среди отечественных историков преобладали сторонники консервативно-охранительного направления. Авторы ставили перед собой задачу сформировать и закрепить в общественном сознании антистарообрядческие стереотипы.

Фундаментальной основой нового, демократического, взгляда на старообрядчество стали работы А. П. Шапова.

Во второй половине XIX в. появляются исследователи раскола, не разделявшие официальный взгляд на приверженцев старообрядчества как на «ограниченных религиозных фанатиков» (Н. Ф. Каптерев, С. А. Зеньковский, Н. И. Субботин, П. С. Смирнов и др.).

Старообрядцы также печатали работы на важнейшие темы церковного раскола, роли и места старообрядчества в Отечестве, давали собственную оценку антистарообрядческой политики правительства и т. д. В этом ряду видное место занимает фундаментальный труд Ф. Е. Мельникова.

В целом дореволюционная историография характеризуется выявлением, накоплением и фиксацией материала. Основными темами этого времени стали история изучения оппозиционных РПЦ религиозных меньшинств, борьба государства против староверов, а также усиление давления на раскольников со стороны РПЦ. Особую значимость в этот период приобретают собственно старообрядческие сочинения.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в СССР были предприняты первые экспедиции по изучению истории и современного состояния старообрядчества. Наряду с московским центром исследований проблемы старообрядчества начали активно изучать представители новосибирской школы Н. Н. Покровский

(1974), Ф. Ф. Болонев (2009) и др., по сей день ведущие изыскания в этом направлении.

Анализ материалов ежегодных тематических конференций по истории старообрядчества, журнальных статей в религиозных журналах дает возможность говорить о качественном накоплении материала, положенного в основу целого ряда научных работ регионально-источниковедческого характера [5].

Сегодня в Байкальском регионе выделяются следующие основные центры по изучению истории старообрядчества – это Иркутский государственный университет (научная школа профессоров А. В. Дулова, А. С. Маджарова и их ученики Н. Н. Стахеева, А. В. Костров и др.), ИМБТ СО РАН (Р. П. Матвеева, С. В. Бураева, Е. В. Петрова), Бурятский государственный университет (Т. Б. Юмсунова, А. П. Майоров, Н. А. Дарбанова, В. М. Пыкин, С. В. Васильева).

Археографический поиск академическими экспедициями ведется в Забайкалье на протяжении более сорока пяти лет. Главный итог многолетних исследований – формирование территориальных коллекций старообрядческой литературы в государственных хранилищах, а также базы данных выявленных частных и общественных библиотек [1].

Результаты

Императорская власть и официальная православная церковь никогда не оставляли без внимания столь мощное оппозиционно-духовное движение, как старообрядчество. Например, в рамках разработанной политики часть старообрядцев в XVIII в. была переселена в Забайкалье. Несмотря на удаленность региона, все меры воздействия, применяемые светскими властями по отношению к старообрядцам в общероссийском масштабе, отражались и на староверах Байкальского региона, находившихся под постоянным надзором властей, официальной церкви и миссионеров. Степень внимания самодержавия к решению вопросов по делам старообрядцев в Байкальском регионе во многом зависела от личности генерал-губернатора.

В контексте социально-экономического и политического развития Российского государства в Забайкалье проходило формирование и развитие корпуса старообрядческих рукописных и печатных памятников. Книжно-рукописная традиция, тесно связанная с религиозными представлениями староверов, стала одним из наиболее важных компонентов духовной культуры старообрядцев Байкальского региона.

Анализ архивных материалов и работ предшественников позволяет выделить несколько периодов в развитии этого процесса.

Первый период: начало XIX в. – 1830-е гг.

В начале XIX в. церковными властями и правительством были утверждены правила единоверия. Ставя цель – распространение единоверия, правительство усиленно собирало сведения о раскольниках. В 1811 г. вышел императорский Указ о доставлении в МВД сведений о старообрядцах. Местным властям предлагалось два раза в год выяснять и докладывать, «...сколько таковых людей с подробным означением имени каждого и каких именно обрядов они придерживаются...». Цель этого мероприятия указывалась очень точно: «дабы из подобных сведений узнать можно было, умножается ли число оных или нет» [11].

Дополнительно, вместе с Указом, МВД направило на места секретный циркуляр, в котором еще чувствовалось достаточно либеральное отношение центральных властей к староверам. В нем министр внутренних дел подчеркивал: необходимо, «...чтобы все сведения собирали, отнюдь не причиняя никакого притеснения или неудовольствия жителям» [9].

В 1812 г. внешние события на несколько лет отвлекли внимание правительства и общества в целом от внутренних проблем. Лишь в 1817 г. власти вновь возвращаются к проблемам «духовным». 24 октября 1817 г. Александр I издал «Манифест», в котором Министерство народного просвещения соединилось с ведомством Священного синода. В «Манифесте» также подчеркивалась необходимость «водворить согласие между религиозностью..., образованием умственным и порядком политическим». Политика по отношению к старообрядцам становится все более репрессивной. Старообрядцев стремились отделить от общества, воспитания молодежи. Одним из примеров ограничения их прав стали введенные 27 мая 1820 г. «Правила о неопределении в общественные должности раскольников».

Кем и каким образом проводилась эта политическая линия на «местах», в Байкальском регионе?

С 1806 г. обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири исполнял И. Б. Пестель – отец декабриста П. И. Пестеля, который жил в Санкт-Петербурге. В 1818 г. выяснились его упущения по управлению территорией и он был уволен. Его место занял М. М. Сперанский, выступивший инициатором реформ управления Сибирью [13, с. 143, 171, 172].

Примечательно, что в документах Иркутской духовной консистории, Иркутского губернского управления за период с 1796 по 1820-е гг. практически нет документов и дел, посвященных нарушениям старообрядцами законов, отступлению от православной церкви и уклонению в старообрядчество православных и другим вопросам, связанным со староверами. Нет соответствующих документов и в сборнике постановлений по ведомству МВД. Есть только законодательные акты о соблюдении правил единоверия (за 1799–1801 гг.) и три постановления о размещении сосланных в Сибирь скопцов, духоборцев, молочан (за 1805–1819 гг.) [4, с. 171].

Сперанский столкнулся с бюрократизмом в управлении регионом, обратился с рядом предложений к императору Александру I. В 1820 г. он получил положительный ответ. «Высочайше повелено, чтобы сведения о распространителях раскольнических ересей в Сибири... были тотчас предаваемы уголовному суду и судимы не за раскол, а за внешние поступки, с буйством или нарушением благочиния и порядка сопряженные...» [17].

Позже, в период подготовки к изданию «Полного собрания законов Российской империи» и «Свода законов Российской империи», М. М. Сперанский внес большой вклад в кодификацию законов о старообрядцах, в реформирование системы управления Сибирским регионом.

Основные направления противораскольнической деятельности губернских и центральных властей в изучаемом регионе условно можно разделить на три

направления: сбор сведений о старообрядцах, поиск старообрядцев, совершивших преступления, и наказание старообрядцев.

Сбор сведений о старообрядцах в первые два десятилетия XIX в. включал составление списков умерших, родившихся, сочетавшихся браком. Но, несмотря на динамичное развитие законодательства о старообрядчестве в первой трети XIX в., и принятие конкретных мер по разделению полномочий на местах, учет старообрядцев в высших звеньях власти оставался неудовлетворительным, поскольку функция централизованного контроля за численностью и жизнью староверов в XIX в. не раз переходила от одного ведомства к другому.

Строгая секретность сбора информации о старообрядцах была введена еще в 1805 г. Тогда по секретному циркуляру Министерства внутренних дел (от 12 августа 1805 г.) земской полиции, сотским и пятисотским вменили в обязанность вести метрические книги о старообрядцах, названные списками. В случаях упущений в отношении сельских начальников предусматривались штрафные санкции [17, с. 31]. Так, в материалах фонда № 50 ГАИО нами было обнаружено «Дело о неправильном показании Верхнеудинским духовным правлением числа раскольников за 1805 год» [8].

По данным Н. Н. Стахеевой, в 1826 г. МВД впервые потребовало статистические ведомости из губернии о численности старообрядцев, количестве молельных зданий. Начиная с 1842 г. работа Министерства в этом направлении заключалась в том, что из губернии доставлялись ведомости о числе приверженцев и количестве молельных зданий, работали губернские совещательные комитеты, которые не только осуществляли полицейские функции, но и знакомились с местными условиями распространения старообрядчества; и, наконец, регулярные сведения поставляли чиновники Министерства.

В Байкальском регионе, несмотря на намерения правительства установить строгий контроль за распространением старообрядчества и усилия местного чиновничества по сбору сведений о старообрядцах и сектантах независимо от согласий и толков, данные по-прежнему были неполными, отрывочными, так как собирались в одном и том же порядке, теми же методами, о чем свидетельствуют многочисленные ведомости, отнесенные в особые секретные дела [10].

Губернское начальство Восточной Сибири до создания секретного комитета в своих действиях руководствовалось распоряжениями МВД и Синода. Все материалы о старообрядцах, в том числе жалобы самих староверов, также секретным порядком доставлялись в МВД. Правило обязательного оповещения министра внутренних дел о состоянии раскола сохранялось на протяжении всего XIX в.

В 1826 г. было принято решение предоставлять в МВД только копии списков староверов и данные о наличии молитвенных зданий, а оригиналы – в III Отдел Собственной его Величества канцелярии [17]. А с 1835 г. сведения вновь предписали отсылать в МВД.

В этот период в старопечатных книгах и рукописях забайкальских староверов отражается вся догматика древлеправославия, его канонические и неканонические компоненты (Евангелия, Апостол, Псалтыри, Часовники, Минеи и т. д.) [1, с. 61–85].

Второй период: 1830-е – сер. 1850-х гг.

Основными характеристиками политики Николая I по отношению к раскольникам можно назвать консерватизм и бюрократический образ действия. Правительство и церковь берут курс на искоренение раскола как в центре, так и на окраинах империи; этому способствовал ряд внутренних и внешних обстоятельств. Придается серьезное значение политике народного просвещения, «полюция умов» становится одним из важнейших вопросов. С другой стороны, старообрядцы крайне негативно отнеслись к новому государю из-за его имени, объявив, что имя «Николай» принял Антихрист в своем четвертом воплощении.

Генерал-губернаторы А. С. Лавинский (1822–1833 гг.), Н. Н. Муравьев-Амурский (1848–1861 гг.) были сторонниками умеренных методов воздействия; генерал-губернатор В. Я. Руперт (1838–1847 гг.) и архиепископ Нил (1838–1853 гг.) стремились подчинить старообрядцев жесткими мерами.

В последние годы царствования Николая I преследования старообрядцев усилились [4, с. 157].

1840–50-е гг. характеризуются многочисленными притеснениями старообрядцев со стороны властей, арестами беглых священников, закрытием храмов [18, с. 157].

Царствование Николая I вызвало к жизни целый пласт эсхатологических рукописей, сравнения с приходом Антихриста. В этот период в Байкальском регионе появляются издания старообрядческих типографий с западных окраин Российской империи – Клинцов, Махновки, Янова и др.

Третий период: сер. 1850-х – 1870-е гг.

С 1855 г. начинается царствование Александра II и отношения светских властей к старообрядцам постепенно «теплеют». Однако все это не мешало продолжению политики ограничения их прав. В «Своде законов Устава о предупреждении и пресечении преступлений против веры» (ст. 47, т. XIV) прямо указывалось, что «воспрещается отступать от православной веры».

В 1860-е гг. во всех губерниях, где проживали старообрядцы, были образованы «секретные совещательные комитеты по делам о расколе». Ежегодно полиция составляла отчеты, в том числе и о духовной стороне жизни общества (сведения предоставлялись приходскими священниками) [12].

В статистических отчетах об экономическом благосостоянии волостей на протяжении всего XIX в. дается однотипная характеристика раскольников, проживающих в волостях Забайкалья: «...трудолюбивы... в религиозном отношении влияние на местное население не имеют. Богослужение ведут по образу их сект в часовнях и в частных домах» [11].

В правление Александра II происходит «взрывное» развитие полемического направления в рукописной традиции, отражающее все более расширяющееся внутриконфессиональное расслоение древлеправославия. В регионе распространяются издания «единоверческой» типографии.

Четвертый период: 1880–90-е гг.

3 мая 1883 г. был принят закон, «даровавший раскольникам некоторые права гражданские и по отправлению духовных треб». В эти же годы происхо-

дят аресты тайных старообрядческих типографий, книготорговцев, конфискация старообрядческой литературы.

Мнение правительства не меняется: «Органы государственной власти обязаны защищать и поддерживать государственную религию» [15, с. 214].

После воцарения Александра III начинается период качественных изменений в местной старообрядческой книжности. Резко увеличилось количество печатных изданий, широкое распространение получают гектографы, рукописи, сделанные на заказ (в основном в Гуслицах). Сегмент печатных изданий пополняется продукцией старообрядческих книгопечатен Москвы, Уральска и других центров староверия [2, с. 12–43].

Заключение

Местные административные органы поверхностно проводили учет численности старообрядцев и сектантов. Результативными были мероприятия, форсированные распоряжениями высших инстанций Российской империи.

В 70–80-е гг. XIX в. произошли заметные изменения. В печати стали появляться публикации, информирующие о движении населения в губернии либо с указанием всех существующих в государстве конфессий. Именно в этот период была начата работа по кодификации законодательства, осуществлялись мероприятия по изучению истории раскола, установлению численности старообрядцев и сектантов.

Внутренняя политика светских властей оказывала существенное влияние на генезис, формирование и условия функционирования одного из важнейших маркеров старообрядческого мировоззрения и культуры – книжно-рукописной традиции. Процесс формирования этого комплекса определялся не только его внутренними потребностями, позицией Русской православной церкви, достижениями технического прогресса, но и во многом зависел от политики, проводимой центральными и местными органами власти.

Список литературы

1. *Бураева С. В.* Богодухновенные книги старообрядцев (семейских) Забайкалья / С. В. Бураева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 101 с.
2. *Бураева С. В.* Рукописное наследие забайкальских старообрядцев / С. В. Бураева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 238 с.
3. *Болонев Ф. Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XXI вв. / Ф. Ф. Болонев. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 340 с.
4. *Васильева С. В.* Власть и старообрядцы Забайкалья (XVII – нач. XX в.) / С. В. Васильева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2007. – 231 с.
5. *Васильева С. В.* Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XXI вв.: историография и источники / С. В. Васильева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 202 с.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 4981. Л. 3.
7. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 5355. Л. 11.
8. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 6449. Л. 7.
9. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 207. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.
10. ГАРБ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 524. Л. 1, 6–7.
11. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1631. Л. 7.

12. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1980. Л. 5.
13. Государственные деятели России XIX – начала XX вв. : биогр. справ. / сост. И. И. Линтков, В. А. Никитин, О. А. Ходенков. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – 207 с.
14. *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке / Н. Н. Покровский. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1974. – 396 с.
15. *Рункевич Г. С.* Русская церковь в XIX веке / Г. С. Рункевич. – СПб. : [б. и.], 1901. – 232 с.
16. Свод Законов Российской империи. – 3-е изд. – СПб. : [б. и.], 1836. – Т. 14, ч. 4. – 200 с.
17. Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Святейшего синода. – СПб. : [б. и.], 1860. – Кн. 1. – 54 с.
18. *Стахеева Н. Н.* Старообрядчество Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. Н. Стахеева ; Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, 1998. – 340 с.

Temporality and the Old Believers in Baikal Region: State Policy Development in the XIX Century

S. V. Vasilieva

Buryat State University, Ulan-Ude

S. V. Buraeva

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. Russian imperial power couldn't disregard such a powerful oppositional religious movement as the Old Believers. All enforcement actions taken by the temporal authorities towards Old Believers nationwide affected the Baikal region Old Believers as well. The degree of concern to the issues of Baikal region Old Believers was largely due to the personality of the governor general. The anti-schismatic measures taken by the provincial and central authorities in the region under study can be conditionally divided into three main areas: collecting information on the Old Believers, Old Believers-criminals tracing and punishing. Undoubtedly, the domestic policy of the temporal authorities had a significant impact on the genesis, formation and operating conditions of one of the most important markers of the Old Believers' worldview and culture – the book and manuscript tradition. In the late XIX century codification of legislation was done, the phenomenon of schism was studied, the number of the Old Believers and sectarians was identified, a system of “Secret advisory committees on schismatic issues” was created, the system of the Old Believers tracing, legal proceedings and punishment was established. The article is based on the documentary and narrative sources from the archives and libraries of the Irkutsk region, Trans-Baikal Territory and the Republic of Buryatia, materials of funds of Republic Buryatia National Library and the Center of Oriental Manuscripts and Xylography of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch Russian Academy of Sciences.

Keywords: the Old Believers, state policy, governor general, anti-schismatic activity, Baikal region, book and manuscript tradition, documentary and narrative sources.

Васильева Светлана Владимировна

доктор исторических наук, доцент
Бурятский государственный университет
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
тел.: 8(3012)210562
e-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Vasilieva Svetlana Vladimirovna

Doctor of Sciences (History), Associate Professor
Buryat State University
24a, Smolin st., Ulan-Ude, 670000
tel.: 8(3012)210562
e-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Бураева Светлана Валерьевна

доктор исторических наук, доцент
Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)214626
e-mail: ladys@inbox.ru

Buraeva Svetlana Valerievna

Doctor of Sciences (History),
Associate Professor
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047
tel.: 8(3012) 214626
e-mail: ladys@inbox.ru